

ОБАЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Более полувека прекрасный образ трагической актрисы Веры Ивлиановны Анджапаридзе неразлучен с грузинской сценой. И, как прежде, в годы молодости, все вокруг — знакомые и незнакомые, взрослые и дети — зовут ее коротко и просто: «Верико». В уменьшительное и ласковое имя вплетены нежность, признательность, любовь многих поколений зрителей.

На всем творческом пути народной артистки Советского Союза, лауреата Государственной премии Верико Анджапаридзе лежит отпечаток ее сподвижничества с выдающимся режиссером современности Котэ Марджанишвили. Вместе с ним закладывала она основы грузинского советского театра. Первая ведущая актриса этой труппы, она не только ярко воплотила в своем творчестве идейно-художественные его особенности, но и сама в немалой степени определяла его социально-эстетическую программу, его героико-романтический пафос, подлинно реалистический стиль.

Вокруг имени Верико всегда существовал некий ореол. Назвать его ореолом славы — еще не значит объяснить главное. В сознании народа облик этой актрисы олицетворяет понятие духовной красоты, подлинной человечности. Ее появление на сцене всегда рождает душевный трепет и чувство праздника.

Судьба была благосклонна к Верико Анджапаридзе. Она сыграла на своем веку множество ролей, воплотила на сцене множество разнообразных характеров — сильных и мятущихся, глубоко страдающих и благородных, волевых и бескомпромиссных. Невозможно перечислить всех, с кем она рука об руку шла к вершинам своего искусства, — Офелия и Маргарита Готье, Дездемона и Мария Стюарт, Лариса из «Бесприданницы», грузинки Джавара («Изгнанник» Важа-Пшавела), Айше («Зависть» И. Вакелли), русские Женя («Далекое» А. Афиногенова) и Лиза

(«Жди меня» К. Симонова), хикметовская Мехмене Бану и Галина Романовна («Память сердца» А. Корнейчука)... Уже один — далеко не полный — перечень этих ролей свидетельствует о широте ее актерских возможностей.

И все-таки не это разнообразие определяет художественный облик Верико, а скорее тенденции сплотить, как-то внутренне объединить различные по характеру роли, подчинить их своему, сугубо индивидуальному миру эмоций и чувств, утвердить в них собственное «я», вывить свою причастность к их судьбам.

Удивительная эта актриса никогда не повторяется в своих сценических созданиях и вместе с тем всегда остается сама собой. Ее героини ни на кого не похожи, их ни с кем не спутаешь, они рождены ее актерской волей, крепко связаны с ее духовным миром.

Полная «растворенность» в сценическом образе не мешает ей ощущать его театральную природу, пластическое начало, стремиться к завершенности формы. Актриса бывает порой подчеркнуто полемична в своих сценических созданиях. Смысл этой полемичности в причудливом переплетении земного и возвышенного, «обыденного» и театрального. Вот выходит она на сцену своей «домашней» походкой, и вдруг начинает восхождение к таким духовным высотам, что страшно делается — выдержит ли?! Не оступится?

Верико выдерживает. И потом с той же непринужденностью нисходит она к внешне будничному. С распростертыми, как крылья птицы, руками обращается ее Юдифь к Уриэлю: «Теперь ты мой, Уриэль!» Что может быть более театральным, чем эти трепещущие руки-крылья? Что может быть более простого и человеческого, чем этот зов сердца? Ее Медея сидит на полу и плачет о своей трагической судьбе. И эта «бытовая» мизансцена, и эти проли-

ваемые по-женски слезы как бы «опускают» наземь величественную античную героиню. В ее Клеопатре, если подходить к ней с позиций сценической достоверности, пожалуй, не было ни одного обыденного жеста, ни одной житейской интонации. И вместе с тем до предела обнаженные страдания египетской владычицы потрясали своей человечностью, правдой переживаний. А мать из пьесы К. Чапека! Анджапаридзе играет простую женщину, беспомощную, незащищенную в своей обаятельной мягкости, материнской жалости. Как скромно опускает она глаза при воспоминании о своей былой красоте, чуть-чуть стесняясь своей теперешней седины. Как неистово борется за своих детей, за жизнь последнего своего сына, по-матерински не желая отдать его войне, и как потом молча, покорно вручает ему винтовку! И зритель понимает — это подвиг. И внешняя обыденность происходящего дает нам почувствовать непреходящую силу того, что человечество зовет материнством. Образ обретает значение символа.

Трагедия и лирика — вот стихия Анджапаридзе. Они перепелись в ее творчестве, их невозможно отделить друг от друга. Героини Верико всегда одержимы любовью. Любят они беспредельно, жертвенно. Это может быть любовь к мятельному Уриэлю или к неотразимому Паратову, любовь матери к сбиившемуся с пути сыну-изгнаннику, или любовь к сестре, ради которой необходимо жертвовать своей красотой и собственным счастьем. Но каждый раз это любовь всепоглощающая.

Однажды кто-то заметил: героини Анджапаридзе всегда стремятся к счастью, но остаются несчастными. С точки зрения житейской мудрости может быть оно и так. Но стоит только призадуматься глубже и взглянуть на творчество актрисы с позиций высоких социальных и нравственных



идеалов нашего времени, как станет очевидным, что подлинное счастье героинь Верико в бескомпромиссности, цельности натур, в какой-то удивительной стойкости и непоколебимости перед испытаниями судьбы.

Героини Анджапаридзе гибнут всегда как победительницы. И в смерти их есть что-то возвышенное; не сломленные, не несчастные, а гордые и прекрасные уходят они из жизни. И потому остаются жить.

...Более полувека Анджапаридзе в театральном строю. И всегда — на самых передовых позициях, всегда во всеоружии мастерства! Годы не погасили ее энергии, любви к искусству, к жизни. Она все такая же — задоринкой в глазах, одухотворенная, обаятельная, вся в заботах и хлопотах.

Когда-то Котэ Марджанишвили писал о силе и колдовстве сценического искусства, о том, что люди театра должны сочетать в себе «иллюзорную сказочность» с живой и современной мыслью, с разящим и действенным словом. Мысль режиссера была адресована молодым в то время силам театра. Верность наставлениям учителя Верико пронесла через всю свою актерскую жизнь. Когда мы смотрим на ее игру, то думаем невольно о магии большого искусства. Мы думаем о человеке, поднявшемся до подлинной человечности.

Э. ГУГУШВИЛИ.

Профессор, доктор
искусствоведения.

Г. Тбилиси.